

рука,
кормящая тебя

эй. джи. рич

рука,
кормящая тебя

Москва
2016

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
P56

A.J. Rich

THE HAND THAT FEEDS YOU

Copyright © 2015 by Amy Hempel and Jill Ciment.
Originally published by Simon & Schuster Inc.

Перевод с английского *Т. Покидаевой*

Художественное оформление *П. Петрова*

Рич, Эй. Джи.

P56 Рука, кормящая тебя / Эй. Джи. Рич ; [пер. с англ. Т. Ю. Покидаевой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Мировой бестселлер. Детектив).

ISBN 978-5-699-85781-4

Результат блестящего сотрудничества двух талантливых писателей — Эми Хемпл и Джилл Симент!

Морган Прагер счастлива — ведь она встречается с лучшим мужчиной на свете. Все идет к свадьбе, пока однажды она не находит Беннета мертвым. Напуганная и опустошенная, девушка отправляется к родителям жениха, чтобы рассказать о его смерти. И — о ужас! — она узнает, что Беннет не тот, за кого себя выдавал. Вся его жизнь была ложью! А тут еще женщины, связанные с ним, начинают погибать. Значит, и Морган грозит смертельная опасность? Выход один — чтобы остаться в живых, надо узнать всю правду о женихе.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Покидаева Т., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-85781-4

*Памяти
Кэтрин Расселл Рич*

Как можно без содрогания помы-
слить о бедствиях, каковые способна
причинить хотя бы одна опасная связь!

*Шодерло де Лакло
«Опасные связи»*

«Да» или «нет»:

Я хочу, чтобы все были счастливы.

Я всегда помогаю людям, не дожидаясь, когда меня попросят о помощи.

Я хотя бы однажды был донором крови.

Я мог бы отдать почку, чтобы спасти жизнь близкого друга.

Я мог бы отдать почку, чтобы спасти жизнь незнакомого человека.

Обычно я искренен.

Я отдаю больше, чем получаю.

Люди пользуются моей добротой.

В большинстве случаев людей можно и нужно прощать.

Сегодня я бы ответила на каждый из этих вопросов совсем не так, как еще год назад. При том что тест составила я сама. Я хотела дать новое определение хищника через выявление причин, по которым люди становятся жертвами. Тест этот был частью моей дипломной работы по судебной психологии в колледже уголовного права. Как сказал Гёте, «на пороге всегда следует задержаться». Я как

раз и была на пороге — в шаге от того, чтобы получить все, что хочу.

Вот тот вопрос, которым я задалась бы сегодня:
Смогу ли я простить себя?

Утром была лекция по виктимологии. Не отражает ли эмоциональный склад жертвы «выверты» в голове агрессора, не пребывают ли жертва и хищник в своего рода симбиозе? Профессор привел в пример «синдром избитой женщины», состояние, которое не указано в «Диагностическом и статистическом руководстве по психическим заболеваниям», но присутствует в уголовном законодательстве. Почему? Мне казалось, я знала ответ.

Утренние занятия изрядно меня взбодрили; мне не терпелось вернуться домой и продолжить изыскания. Чувствуя себя слегка виноватой за то, что мне сегодня опять будет не до Беннетта, я забежала в кондитерскую «Фортуonato» и купила ему пиньоли¹.

Моя квартира располагалась на последнем этаже таунхауса в Уильямсберге, в Бруклине. Я жила в уважаемом районе, подальше от всяких хипстеров. Дворничихи-итальянки постоянно мели тротуары, солидные пенсионеры играли в «Фортуonato» в шахматы. В квартале от нашего дома находилась мастерская по изготовлению надгробий, где продавали и свежий хлеб. Беннетт называл его «погостным хлебцем». Ходили слухи, что владелец мастерской когда-то работал на мафию. Его под-

¹ Пиньоли — сицилийское печенье, популярное во всей Южной Италии.

Рука, кормящая тебя

чиненные — среди них не было ни одного младше восьмидесяти — целыми днями сидели на улице перед входом и курили сигары. В кабине фургончика с мороженым играла тема из «Крестного отца». Все было очень культурно.

К моей двери вела винтовая лестница из сорока восьми ступенек. Поднимаясь, я вдыхала этническую смесь ароматов: шкворчащего чеснока — на первой площадке, вареной капусты — на второй, жареных острых колбасок — на третьей, а дальше шел мой этаж, где я никогда ничего не готовила.

Дверь была приоткрыта. Наверное, Беннетт куда-то ушел и просто захлопнул дверь, забыв, как я его просила, подергать сломанную ручку. Собаки могли убежать. У меня их было три: Тучка, пиренейская горная собака, и Честер и Джордж, два бестолковых, приставучих питбуля явно не чистых кровей — я забрала их из приюта для бездомных животных. Собаки были нашим с Беннеттом единственным камнем преткновения. Он говорил, что нельзя тащить в дом всех бродячих псов и спасать их в ущерб моей работе, хотя я всегда подозревала, что ему просто не нравилась собачья шерсть на свитере. Беннетт вечно мерз, даже летом. Он говорил, что страдает синдромом Рейно, при котором сужаются вены в кистях и стопах, из-за чего руки и ноги всегда холодные. Беннетт боялся, что болезнь может развиваться и привести к атрофии пальцев. Хотя на моей коже его руки холодными не были никогда. Мне же всегда было жарко. Весной я чуть ли не первая в городе сменяла ботинки на босоножки, я никогда не носила шарф, никогда не

простужалась под кондиционером. И это при том что во мне нет ни грамма лишнего веса.

Я открыла дверь плечом, мысленно приготовившись к тому, что все три моих зверя в радостном исступлении бросятся мне навстречу. Открыла и сразу заметила лепестки роз, разбросанные по ковру в коридоре. Неужели Беннетт расстарался? Это было совсем на него не похоже. Человеку, который помнит каждое ваше слово, незачем прибегать к таким дурацким банальностям. Беннетт знал меня и понимал, как никто другой. Он даже прислушивался к тому, что я ему говорила, но как будто заранее знал, что мне нужно: еда в ресторане, музыка или фильм. Разумеется, это знание распространялось и на спальню.

Я наклонилась поднять несколько лепестков и увидела, что это следы собачьих лап. Ну да: я сразу подумала, что Беннетту не свойственны тривиальные романтические порывы. Следы, похожие на абстрактный цветочный орнамент, вели в спальню. Мои приемыши Честер и Джордж залезли в мусорное ведро? Хотя собаки, рывшиеся в обедках и разносившие по дому томатный соус, — еще одна идиотская банальность, которую я отмела сразу. Честер и Джордж были истинными джентльменами, хотя Беннетта раздражали обгрызенные кости, вечно разбросанные по квартире. Каждый раз, когда он спотыкался о кости или игрушки-пищалки, он заводил разговор, что пора бы заняться пристраиванием питбулей или отдать их обратно в тот ужасный восточно-гарлемский приют для животных, откуда я их забрала. Видимо, из-за того, что однажды я сделала пожертвование в местный

Рука, кормящая тебя

благотворительный фонд защиты животных, мой электронный адрес попал в их массовую рассылку, и теперь мне почти ежедневно приходят письма с фотографиями и данными о собаках, которым осталось жить считанные часы, если я срочно не приму меры.

Питбулей, Честера и Джорджа, уже собирались усыпить. На фотографии они прижимались друг другу и тянули лапы к зрителю. Я не смогла устоять. В тот же день я приехала в приют. В их учетных карточках было написано «проблем нет». Сотрудник приюта объяснил мне, что это значит: наилучший характер из всех возможных. Они в жизни не сделали никому ничего плохого. Они только дарили любовь и хотели, чтобы их тоже любили. Я заполнила все бумаги, заплатила два взноса за «усыновление», хотя брала собак только на передержку, пока не найду им новый дом, и на следующий день мы с Тучкой приехали на машине и забрали их.

Беннетт не выносил постоянный хаос, создаваемый тремя большими собаками в маленькой тесной квартирке; наверное, он был прав: собаки *действительно* отнимали изрядную часть моей жизни. Не было ли это желание спасти всех и вся формой патологического альтруизма? Собственно, на этом и строилась моя дипломная работа: я пыталась найти критерии для выявления жертв, чья самоотверженность и участливость настолько гипертрофированы, что, как магнит, привлекают хищников.

Для нормальной жизнедеятельности Беннетту был необходим порядок, а мне — милый сердцу беспорядок. Когда Беннетт приезжал ко мне из Мон-

реалья, он всегда аккуратно развешивал в шкафу свои рубашки и брюки, а мои легинсы, куртки из искусственной кожи и майки валялись кучей на кровати. Беннетт всегда ставил грязную посуду в посудомоечную машину и не забывал ее включать, а я оставляла тарелки отмочать в раковине. И что самое тяжкое: он не любил, чтобы собаки спали в нашей кровати. Собаки слушались, но команды он отдавал резче, чем необходимо. И я не раз говорила ему об этом. И не раз задавалась вопросом: как мы все уживемся вместе?

Тучка выбежала ко мне первой. Как всегда, она запросто оттеснила мальчишек своими медвежьими габаритами. Но почему-то не стала здороваться как обычно — с неудержимым восторгом, положив мне на плечи огромные передние лапы. Она была явно взволнована и испугана. Прижав уши к голове, она беспокойно ходила вокруг меня. Один бок был испачкан, как будто она прислонилась к свежевыкрашенной стене. Но я не красила стены в квартире. А если бы красила, то уж точно не выбрала бы красный цвет.

Опустившись на колени, я принялась перебирать влажную шерсть в поисках ран, но никаких ран на коже не наблюдалось, да и «краска» была только сверху и не проникала даже до подшерстка. Я мысленно извинилась перед Честером и Джорджем за свои безосновательные подозрения. Хорошо, что я уже стояла на коленях, а то могла бы и грохнуться с первым приступом головокружения. Я машинально принялась осматривать Джорджа и Честера, чтобы понять, откуда кровь. Сердце бешено колотилось. Мне опять стало дурно. Но на

них тоже не было никаких ран. Я опустила голову, стараясь сдержаться и не хлопнуться в обморок.

— Беннетт? — крикнула я, оттолкнув Честера, который пытался слизывать кровь с моих рук.

Теперь я увидела, что мой новый диван весь в крови. Диван подарил Стивен, мой старший брат. Подарил на день рождения, тридцатилетие, когда, по словам братца, я стала уже совсем большой девочкой. Я попыталась собрать собак, но они все крутились под ногами, мешая пройти в спальню. Квартира была спроектирована по принципу железнодорожного вагона: длинные узкие комнаты выходили в прямой коридор. Если выстрелить, стоя у входной двери, то пуля пролетела бы через весь коридор, не задев стены. С места, где я стояла, была видна нижняя половина кровати. Была видна нога Беннетта.

— Что случилось с собаками? — спросила я.

Я прошла по коридору. Чем ближе к спальне, тем длиннее и ярче становились красные полосы на полу.

Беннетт лежал на полу вниз лицом, одной ногой на кровати. И только потом до меня дошло, что нога лежит *отдельно* от туловища. Первое, что я подумала: надо его перевернуть, чтобы он не захлебнулся в собственной крови, — но, упав рядом с ним на колени, я увидела, что он лежит лицом вверх. Его глаза смотрели бы в потолок, если бы у него еще были глаза. На мгновение у меня мелькнула совершенно безумная мысль — даже не мысль, а надежда, — что это не Беннетт. Может, в квартиру проник грабитель и на него набросились собаки? Я немного разбиралась в таких вещах и даже

в состоянии шока понимала, что убийца — не человек. В брызгах крови не было никакой эмоциональной схемы. Моих знаний по криминалистике вполне хватало для правильной интерпретации того, что я вижу. Анализ брызг крови дает очень точные сведения. Он позволяет определить вид ранений, последовательность нанесения ран, тип применявшегося оружия и поведение жертвы — двигался человек или лежал неподвижно, когда ему наносили удары. В данном случае это были колотые и укушенные раны. Кисти рук Беннетта были скальпированы, то есть с них содрали кожу. Это значит, что он пытался отбиваться. Правую ногу ему оторвали в колене. «Оружием» наверняка было животное или несколько животных. На это указывали и рваные края ран, и то, что в некоторых местах были вырваны куски мяса. Кровавый след говорил о том, что Беннетта тащили по полу. Правую ногу могли затащить на кровать уже после того, как Беннетта с нее сбросили. На передней спинке кровати и на стене за ней остались брызги артериальной крови, возможно из сонной артерии.

Собаки пыхтели у меня за спиной и ждали под сказки, что делать дальше. Я пыталась побороть нарастающий страх. Как можно спокойнее я велела собакам сидеть. И только потом почувствовала новый запах, заглушающий запах крови. Кажется, он исходил от меня. Я медленно выпрямилась и направилась к сторону ванной. Тучка поднялась и собралась идти за мной, но я вновь велела ей сидеть. Честер и Джордж внимательно наблюдали, но не сдвинулись с места. Я вошла в ванную, закрыла

Рука, кормящая тебя

за собой дверь и привалилась к ней спиной — на случай, если собаки все же рванут следом. Через дверь слышалось жалобное поскуливание.

Это был еще не шок. Шок грянул чуть позже. А в те мгновения я пребывала в каком-то подвешенном состоянии надрывной — до слез — благодарности, что я жива. Меня переполняла безумная радость, словно я только что выиграла ценный приз. Собственно, так и было. Что может быть ценнее жизни? Но это пьянящее упоение длилось считанные секунды. Я понимала, что надо звонить в «Скорую». Вряд ли Беннетт жив, но вдруг я ошибалась? Вдруг он страдает и ему нужна помощь? Мой мобильный остался в сумке, брошенной в прихожей. Я услышала звук разрываемой бумаги и вспомнила про пакет с печеньем. Наверное, я его уронила и собаки добрались до вкусенького. Я осторожно открыла дверь и медленно вышла в коридор, стараясь не делать резких движений. Сколько времени им понадобится на то, чтобы разделаться с печеньем? В крови бурлил адреналин, я еле сдерживалась, чтобы не броситься в прихожую со всех ног. Наконец я взяла свою сумку, вернулась в ванную, ни на миг не сводя взгляда с собак, и заперла дверь на задвижку. Забравшись в пустую ванну, словно эта чугунная лохань могла как-то меня защитить, я набрала 911. Руки дрожали, но со второго раза мне все-таки удалось набрать номер. Когда оператор спросила, что происходит, я не смогла ей ответить. Я даже кричать не могла.

— Вам сейчас угрожает опасность? — спросила оператор.

Я бешено закивала.